

УДК 94(47).084
DOI 10.17223/19988613/35/8

А.И. Трофимова

МЕЖКЛАССОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СОВХОЗНОМ СОЦИУМЕ В 1930–1950-х гг. (НА МАТЕРИАЛАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РСФСР)

Рассматриваются проблемы социальных отношений в совхозном укладе в 1930–1950-х гг. в контексте классового подхода к истории сельского социума, разработанного вологодской школой историков под руководством М.А. Безнина и Т.М. Димони. На основе анализа конкретно-исторического материала описываются наиболее характерные типы взаимоотношений, сложившиеся в совхозном социуме, трансформирующемся от аграрно-традиционного к обществу современного типа; рассматриваются факторы сближения отдельных классов, определяется роль каждого из них в производственном процессе.

Ключевые слова: совхоз; совхозный социум; межклассовые отношения; патернализм.

Процесс трансформации совхозного социума определялся как формированием новых сельских классов, так и складыванием новых социальных отношений. Межклассовые отношения возникали на базе производственных отношений, которые неизбежно становились социальными, а потому лежали в основании всех сторон жизнедеятельности советских хозяйств. Государство не спешило четко определять «правила игры» в проекте под названием «совхозный эксперимент», а потому жизнь совхозного социума напоминала, особенно в 1930-х гг., бурлящий котел. Совхозный социум в этот период представлял собой сложную развивающуюся систему и напоминал общество переходного периода, где реальный статус человека отличался неопределенностью и изменчивостью. Формирование общества государственного капитализма происходило на базе отживающего традиционного аграрного общества, а потому выстраивание производственных отношений было сопряжено с борьбой за ликвидацию общинно-крестьянского архаичного типа в системе ценностей и нормах поведения основной массы совхозного социума.

Целью совхозного социума являлось построение эффективного производства по промышленному типу. Достижение этой цели было основной задачей формирующегося класса протобуржуазии, для чего ему от лица государства как собственника делегировалось право контроля над денежным и физическим капиталом, а также право контроля над трудом, т.е. всей пирамидой управления. Значительный объем властных полномочий, высокое материальное положение, отдаленность контролируемых организаций были определяющими факторами для выстраивания межклассовых отношений по линии протобуржуазия – совхозный социум. В повести А. Платонова «Ювенильное море» (1934 г.), где в форме гротеска описана жизнь мясосовхоза, эти отношения автор определяет как «господство» [1. С. 61].

В 1930–1940-х гг. стандартной модели поведения директора совхоза не существовало. Большинство представителей протобуржуазии в этот период придерживалось роли барина по отношению к другим

классам совхозного сообщества. Это проявлялось в грубом обращении с работниками, отсутствии внимания к их жилищно-бытовым проблемам, игнорировании решений местных парторганизаций, «фактах голого администрирования». Так, в докладной записке о состоянии дел по работе с кадрами Холмогорского племсовхоза от 1941 г. указывается: «Со стороны директора Быкова надлежащего руководства нет, он больше всего сидит в конторе, на производстве не бывает, с рабочими не разговаривает, совершенно не обращает внимания на создание культурно-бытовых условий рабочим, не считает с мнением специалистов и совершенно их не поддерживает, с партбюро не сработался» [2. Оп. 1. Д. 1025. Л. 5].

Круг обязанностей директора был настолько широк, что приходилось осуществлять постоянный контроль за всем многообразием производственных операций. Многие психологически и физически оказывались не в состоянии справляться с должностью, что приводило к самоизоляции и «кабинетному» управлению. Если директор узнавал о жалобах в свой адрес, то применял в отношении жалобщиков разнообразные санкции помимо обычных административных взысканий. Так, в 1940 г. директор совхоза «Заречье» заставлял рабочих отказываться от своих жалоб, запугивая их обвинением во вредительстве [3. Оп. 2. Д. 326. Л. 6].

Расчет зарплаты по самым низким ставкам и перевод на низшую должность, в том числе «разжалование» специалистов в рабочих, практиковал в 1940–1941 гг. директор Индигского совхоза. Обычно подобное отношение к подчиненным демонстрировали представители протобуржуазии, имевшие незначительный опыт хозяйственной работы. Такие директора оценивались как «бюрократы», «феодалы», «помещики». Не случайно настольной книгой директора Умрищева из «Ювенильного моря» А. Платонова является жизнеописание Ивана Грозного, откуда тот пытался почерпнуть методы борьбы с оппортунистами [1. С. 38–40]. Выдвиженцы в протобуржуазии из производственной среды были настроены более лояльно. Они были «крепко связаны с отделениями и фермами» [4. С. 22–24], «опирались на лучших ударников и знатных людей» [5], пре-

бовали выполнения своих приказов, были справедливы в распределении фонда заработной платы, не боялись обивать пороги вышестоящих инстанций, защищая интересы своего хозяйства, сами активно участвовали в региональных совещаниях и слетах работников совхозов. Вышестоящее руководство, а также представители прессы отзывались о таких директорах или начальниках политотделов как «крепких хозяйственниках» и «подлинных большевиках».

В 1950-х гг. в сфере отношений протобуржуазии и совхозного социума появляются элементы таких типов социально-трудовых отношений, как партнерство и солидарность, что было обусловлено развитием совхозов как формы хозяйствования, уточнением правового положения классов, внедрением интеллектуалов в класс протобуржуазии, ростом культурного уровня совхозного социума в целом. Во многих совхозах практиковались регулярные совещания работников разного уровня по производственным вопросам, что обеспечивало конструктивное взаимодействие. Так, в 1959 г. в Холмогорском совхозе директор совместно со специалистами, бригадиром и рабочими обсуждали вопрос адаптации новых сотрудников на рабочем месте [6. Оп. 1. Д. 76. Л. 48–52]. В межклассовых отношениях протобуржуазии и остальных классов совхозного социума начинают пробиваться черты отношений партнерства, в целом же в рассматриваемый период они укладывались в схему «господство–подчинение» и характеризовались как патернализм.

Менеджеры, как и пролетариат, были отчуждены от контроля над финансовым капиталом, но имели определенный контроль над физическими средствами производства и трудом. Высокопоставленные менеджеры – «начальство» (главные бухгалтеры, заместители директоров, руководители крупных подразделений) – занимали близкие позиции к классу протобуржуазии. Место бригадиров и звеньевых находилось ближе к рабочему классу. По отношению к директорам менеджеры находились в положении подчинения, однако именно к их голосу лучше всего прислушивались. Довольно часто эти отношения выходили за рамки делового общения и обращались против интересов совхозного социума в целом. В документах такие явления обозначены как «факты семейственности» и «производственного сожительства». Это горячо обсуждалось и осуждалось населением совхоза. Так, директор и бухгалтеры часто объединялись для совершения махинаций, например для подчистки финансовых и отчетных документов и перераспределения премиального фонда совхоза в свою пользу. Часто встречающимся явлением было объединение директоров с управляющими в целях усиления административного нажима на работников. Так, сотрудники Ненецкого совхоза в 1950 г. жаловались на дирекцию, поскольку те очень грубо обращались с ними, увольняли неугодных, а на просьбы о помощи отвечали высмеиванием [7. Оп. 2. Д. 39. Л. 18]. Как правило, такой тип отношений сопровождался совместным

пьянством, что болезненно воспринималось совхозным социумом в целом.

Крайне сложными на протяжении всего исследуемого периода оставались отношения менеджеров и интеллектуалов. Противоборство позиций было обусловлено претензиями на ключевые позиции в производстве. Специалисты обладали гораздо лучшим правовым и экономическим положением, что воспринималось менеджерами как дискриминация, поскольку они считали опыт хозяйственной работы куда более важным. Интеллектуалы, в свою очередь, как обладатели исключительных прав на научные знания, воспринимали себя центральными фигурами в совхозах. Например, в совхозе «Комсомолец» в 1939 г. бригадиры заявили об ущемлении своих прав специалистами, что выразилось в том, что специалисты в обход отдавали распоряжения рабочим. Бригадиры потребовали, чтобы их публично объявили «центральными фигурами на производстве» [8. Оп. 1. Д. 17. Л. 3]. Нередки были случаи, когда интеллектуалы высмеивали недостаточность культурного развития менеджеров. Например, в 1957 г. старший зоотехник Холмогорского ГПР Ролле часто таким образом оскорблял бригадиров [6. Оп. 1. Д. 74. Л. 105]. Если в 1930–1940-х гг. первенство сохранялось за менеджерами, то в 1950-х гг. позиция специалистов была признана приоритетной. Сами кадры менеджеров в этот период все чаще замещаются именно интеллектуалами, а потому конфликт менеджеров и специалистов постепенно угасает.

Особенностью поведения менеджеров по отношению к рабочим было стремление быть образцом и учителем. Бригадиры и звеньевые теснее других классов были связаны с пролетариатом, поскольку их объединяла ежедневная совместная трудовая деятельность, общность происхождения, почти одинаковый правовой статус и экономическое положение. Они не только руководили работой подчиненных, но и брали ответственность за дисциплину труда в подразделении, моральное и материальное состояние рабочих, что было принято в отношениях патернализма. Например, выдвинутый в 1939 г. заведующий участком совхоза «Комсомолец» А.И. Захаров быстро превратил свое подразделение из убыточных в рентабельные путем укрепления труддисциплины и заботой о быте рабочих [8. Оп. 1. Д. 17. Л. 6]. Сближение низовых менеджеров и рабочих зачастую принимало преступные формы. И те и другие были основными представителями армии «несунов», существовавшей в Советской России. Систематические хищения кормов и продукции были возможны лишь в случае сговора представителей этих классов. В справке «О ненормальных явлениях в совхозах Северной области» за 1937 г. указывается, что в совхозах «на фермах распространены вранье, семейственность и укрывательство друг друга бригадиром и рабочими» [2. Оп. 1. Д. 180. Л. 47]. По предварительному сговору бригадир мог начислять повременную или сдельную зарплату в зависимости от выгодности за

выполнение конкретных работ. Так, в приказе по Архангельскому тресту совхозов за 1949 г. говорится, что «до сих пор имеет место широкая практика начисления почасовой оплаты бригадирами», хотя уже с середины 1930-х гг. это было запрещено [7. Оп. 3. Д. 201. Л. 8]. Заметно различался характер взаимоотношений рабочих и менеджеров в зависимости от уровня хозяйства. Так, в небольших пригородных совхозах рабочие часто являлись «слепыми исполнителями воли бригадира» [9. С. 14]. В крупных хозяйствах рабочие претендовали на участие в планировании производства, а потому активно жаловались в дирекцию и парторганизацию хозяйства в тех случаях, когда бригадиры не обсуждали с ними планы работ, распределение обязанностей, нормы труда и расценки. Например, рабочие совхоза «Молочное» в 1947 г. часто заявляли о подобных «ненормальностях» в партком совхоза и выносили такие факты на страницы стенгазет [10. Оп. 1. Д. 153. Л. 30, 57, 65]. Бригадиры и звеньевые редко отличались высокой культурой делового общения по отношению к работникам. Грубость к подчиненным, нецензурная брань, «капризничание», руководство «окриком» были неизменными атрибутами стиля управления в среде менеджеров, что также являлось проявлением патернализма социально-трудовых отношений. Например, на слете ударников Холмогорского племсовхоза в 1934 г. горячо обсуждалось поведение бригадира, партгрупорга члена ВКП(б) Мозгового, который «допускал грубость к рабочим фермы и совхоза, зажимал самокритику и применял физические меры воздействия» [6. Оп. 1. Д. 20. Л. 4; Д. 21. Л. 4]. Однако, если в 1930-х гг. некорректное поведение в отношении подчиненных подмечали в основном начальники политотделов в своих донесениях, то в 1950-х гг. сами рабочие перестают считать это нормой и требуют уважительного подхода, что, на наш взгляд, свидетельствует о постепенном вытеснении повинностного типа поведения, характерного для крестьянства.

Интеллектуалы, которые сильнее других классов осознавали свою особость, демонстрировали иной тип межклассовых отношений, что было вызвано их базовыми характеристиками по отношению к производству. Прежде всего, их интеллектуальный капитал являлся своеобразным средством производства, однако они были исключены из участия в принятии решений, касающихся процессов инвестирования и накопления. В 1930–1940-х гг. специалисты осуществляли незначительный контроль над производством, а с 1950-х гг. уже наравне с менеджерами, разумеется, с повышением уровня ответственности. Этот переход так охарактеризован в очерке В.Г. Воробьева «Последняя инстанция»: «Специалисты до этого были чем-то вроде “советников” при директоре, не имевших ни власти и ни за что конкретно не отвечавших. Теперь же главные специалисты стали командирами в своих отраслях, и они же в первую очередь отвечали за работу своего цеха. Им – власть, с них – спрос» [11. С. 215]. Этот класс прини-

мал опосредованное участие в пирамиде управления. С одной стороны, прямая возможность применения санкций в отношении других работников отсутствовала, однако по ходатайству директору или высшим менеджерам меры к нерадивым сотрудникам могли быть оказаны.

В течение длительного времени совхозное сообщество демонстрировало неоднозначное, а зачастую и негативное отношение к интеллектуалам. В 1930–1940-х гг. взаимоотношения между протобуржуазией и интеллектуалами чаще всего характеризовались как «ненормальные». Директоры нередко использовали специалистов не по назначению, их предложениям внимания не уделяли. Так, в Шапкинском совхозе в 1939 г. на замечания специалистов директор всегда отвечал: «Это не ваше дело, не суйтесь» [12. Оп. 11. Д. 376. Л. 32а]. В целом, протобуржуазия и интеллектуалы придерживались политики невмешательства в этот период. Давить на интеллектуалов директора опасались, поскольку те, во-первых, находились под защитой трестов или управлений, а, во-вторых, не стеснялись жаловаться во всевозможные инстанции. Данное обстоятельство наглядно иллюстрирует случай, произошедший в 1934 г. в совхозе «Минькино»: на требования специалистов создать нормальные условия для работы директор отвечал: «Вы только и привыкли жаловаться в Наркомсовхоз, мне таких специалистов не надо, обойдусь и без вас» [2. Оп. 1. Д. 180. Л. 20]. Если на пост директора приходил твердый хозяйственник, что было явлением нечастым, интеллектуалы становились весьма востребованными на производстве, совместный труд всех классов приобретал слаженный характер. Например, во второй половине 1930-х гг. в совхозах «Куркино», «Новое», «Победа», «Ширшинский» и «Коротыгино» дирекции и специалисты ежедневно посещали поля, фермы, шеды, проводили совещания с работниками, оказывая непосредственную помощь, в результате чего эти хозяйства стали самыми рентабельными в этот период на территории Европейского Севера России [13. Оп. 2. Д. 1424. Л. 112 об; Д. 1554. Л. 56; 14; 15. Оп. 1. Д. 3. Л. 12; Д. 4. Л. 139]. С усложнением совхозного производства значение интеллектуального ресурса возрастало, соразмерно повышался и общественный статус специалистов.

Основным контрагентом в производственном общении интеллектуалов являлся рабочий класс. Эти отношения имели первостепенное значение для совхозов, поскольку эффективное общение интеллектуалов и пролетариата обеспечивало расширенное воспроизводство и позволяло хозяйствам приобрести черты промышленного предприятия, сводя к минимуму природный фактор. Продуктивным труд интеллектуалов становился лишь в случае преодоления недоверия со стороны рабочих. В 1930-х гг. единственными, кто каждое их слово принимал как руководство к действию, были передовики, ударники. Как неоднократно подмечалось в документах, «Группы стахановцев растут в основном

за счет тех, кто при помощи специалистов осваивает технику животноводства и полеводства» [7. Оп. 1. Д. 17. Л. 165]. Положительный характер отношений интеллигентов и рабочих неизменно приводил к заметным результатам: повышались надои, сокращался отход животных, снижался уровень заболеваемости поголовья, росли показатели привеса, урожайности, сбора и товарного выхода продукции. Отнюдь не всех членов совхозного социума это устраивало, а потому специалисты и ударники в этот период оказались на положении своеобразных диссидентов совхозного общества. Травля как передовиков, так и их учителей была обычным явлением на селе в 1930-х гг. Рабочие были недовольны ими как «выскачками», к тому же повышавшими ударным трудом средние нормы выработки, менеджеры – претензиями на свою власть и авторитет, протобуржуазия – необходимостью обеспечивать тем и другим лучшие условия труда и быта [2. Оп. 1. Д. 180. Л. 20]. Далеко не все интеллигенты были способны адекватно перенести изоляцию в совхозном социуме: некоторые откровенно пренебрегали как рабочими, так и производством в целом, например, ветфельдшер совхоза «Нефедово» в 1935 г. «систематически игнорировал лучших доярок, посмеивался над ними» [13. Оп. 1. Д. 1424. Л. 79]. Часть специалистов отсиживалась в кабинетах: «специалисты недостаточно связаны с производством и рабочей массой, руководят бумажками», как отзывался политотдел Холмогорского племхоза о работе специалистов в 1931 г. [6. Оп. 1. Д. 2. Л. 42]. Некоторые скатывались до банального хамства, как, например, веттехник совхоза «Комсомолец» Матаков, который регулярно обругивал свиначок за то, что они плохо выполняли зоотехнические указания [8. Оп. 1. Д. 17. Л. 6]. В 1950-х гг. с заметным нарастанием процессов капитализации в совхозном производстве, более активным внедрением интеллектуального капитала отношения специалистов с другими классами заметно улучшаются. У представителей всех классов совхозного социума появляется осознанная мотивация к сближению со специалистами, которые перестают быть «инородным телом» в совхозном производстве и прочно встраиваются в совхозный социум.

Одной из наиболее обособленных групп сельского социума являлись представители рабочей аристократии. Они не участвовали в принятии решений, касающихся использования финансового и физического капитала и рабочей силы. Однако они осуществляли контроль над важнейшим аспектом средств производства совхозов – механизацией основных производственных процессов, являлись распорядителями машин и механизмов. Это был молодой, высокополитизированный, сравнительно образованный, открыто демонстрирующий свою позицию класс. Однако в совхозном социуме Европейского Севера России в период 1930–1950-х гг. он оказался на периферии в силу животноводческой и овощеводческой специализации здешних совхозов, здесь отнюдь не они являлись первыми людьми в хо-

зяйствах. Рабочая аристократия держалась обособленно, стремилась не допускать никаких внешних воздействий. Если приказ директора не устраивал тракториста или водителя по каким-то причинам, чаще всего он не выполнялся. Например, в архангельском совхозе № 2 распоряжения директора трактористам по подвозке кормов на фермы не выполнялись ввиду низких расценок на данный вид работ, дояркам приходилось вручную перетаскивать по несколько тонн сена ежедневно [7. Оп. 1. Д. 17. Л. 180]. На нажим они отвечали увольнением и пьянством. Протобуржуазия мирилась с массовыми случаями нарушения трудовой дисциплины механизаторами, поскольку это была весьма дефицитная рабочая сила [10. Оп. 1. Д. 30. Л. 83; Д. 135. Л. 16; Д. 140. Л. 13 об.]. Директоры и менеджеры скорее советовали механизаторам, чем отдавали приказы, в результате в большинстве совхозов весенняя пахота, сев, уборка из года в год производились со значительными опозданиями [3. Оп. 2. Д. 162. Л. 20; Д. 442. Л. 10, 28; 16. Оп. 1. Д. 38. Л. 14; Д. 42. Л. 21]. Многие механизаторы небрежно относились к технике: использовали не по назначению, оставляли на зиму в поле, производили некачественный ремонт, что вызывало раздражение всего совхозного социума, поскольку приносило значительный убыток и тормозило производство в целом [15. Оп. 1. Д. 3. Л. 29]. Таким образом, на Европейском Севере России рабочая аристократия не смогла занять лидирующих позиций в системе внутрисовхозных межклассовых отношений, какими обладали их «одноклассники» в зерновых и хлопковых совхозах. Тем не менее и здесь они стремились к независимости, навязывали свои условия труда, требовали всеобщего уважения.

Совхозный пролетариат в системе межклассовых отношений был зависим от следующих факторов, определяющих статус на производстве: он был полностью исключен из участия в управлении капиталом, осуществлял незначительный контроль над каким-либо аспектом средств производства, а потому был совершенно отчужден от принятия решений, касающихся работы производства, кроме того, у этого класса отсутствовала возможность применять санкции по отношению к другим работникам. Для периода 1930–1940-х гг. был характерен повинностный тип поведения рабочих по отношению к классам протобуржуазии, менеджеров и интеллигентов. Рабочие стеснялись самостоятельно заявлять об ущемлении своих прав, требовать лучших условий труда и быта. Пока терпение не заканчивалось, мужественно сносили хамство и грубость. Например, в 1937 г. в совхозе «Куркино» доярку Кузнецову, награжденную Орденом Ленина, регулярно обсчитывали в бухгалтерии и совхозрабкоопе, в дирекции ей не давали лошадь, чтобы съездить в больницу; заведующий фермой и кладовщик систематически не давали корма, подстилку и дрова бригаде, в которой она работала, всячески дискредитировали. Только вмешательство политотдела смогло прекратить травлю ордено-

носки, сама она не решалась заявить об этих фактах ни в трест, ни в райком, ни в прессу [2. Оп. 1. Д. 180. Л. 45–46]. Протест рабочих в этот период проявлялся в пассивных формах – увольнение по личному желанию с исходом в города или другие совхозы, прогулы, невыполнение обязанностей. С развитием процессов индивидуализации труда, повышением общей культуры труда и быта, формированием инфраструктуры совхозов, закреплением правового статуса рабочего традиционные механизмы мышления уходят в прошлое. Сначала рабочие-ударники передовых совхозов, а потом и все остальные постепенно начинают осознавать себя полноценными участниками рынка труда, а потому требуют соблюдения своих прав и предоставления социальных гарантий.

Рядовые рабочие чутко воспринимали отношение к ним со стороны начальства. Например, в 1942 г. в совхозе «Молочное» на партсобрании рабочие рассказали о визите на их ферму директора Кирпанева: «Приезжает директор к нам на гурт, мы обрадовались, но он нас обозвал бездельниками, а доярок – сволочами, работать не хочется, а уходить некуда» [10. Оп. 1. Д. 135. Л. 18]. Представителей высшего руководства совхоза они считали «белоручками», чуждыми грубого физического труда: «Начальство в поле не выходит, боится, как бы их дождик не замочил» [3. Оп. 3. Д. 429. Л. 67].

Поддержка со стороны дирекции совхоза оказывалась самым лучшим средством улучшения трудовой дисциплины и повышения производительности труда, как это, например, произошло после назначения в 1946 г. на пост директора совхоза «Комсомолец» Римкуса. В целом отношение пролетариата к протобуржуазии сохраняло крестьянскую окраску и выдерживало российские традиции чинопочитания в духе «веры в доброго царя». Основными контрагентами пролетариата являлись низовые менеджеры (бригадиры и звеньевые). Им приходилось работать в одной упряжке и выполнять одну задачу. Они вызывали уважение как выдвинувшиеся ударным трудом. Если бригадир или звеньевой демонстрировали высокую степень готовности к труду, это перенималось подчиненными, и наоборот, пассивный настрой в работе руководителя распространялся на все подразделение. В целом отношения пролетариата с менеджерами протекали по

типу патернализма. Недостаток внимания с «отеческой» стороны подопечными трактовался однозначно негативно и приводил к ослаблению трудовой дисциплины и невыполнению обязанностей. Рабочие, хотя и ругали при случае своих руководителей, но боялись, так как очень сильно от них зависели и понимали, что при желании тот же бригадир или директор может запросто упечь бунтаря куда подальше.

В 1940-х гг. складывание классов в совхозах в основном завершилось, отношения, базирующиеся на принципе «кто кого?», постепенно уходили в прошлое. На первый план постепенно начинают выдвигаться производственные отношения, определявшие позицию класса внутри совхозного социума. Протобуржуазия, верхушка менеджеров и присоединившиеся к ним в 1950-х гг. главные специалисты являлись основными распорядителями совхозных ресурсов и властителями судеб пролетариата. Эффективность и рентабельность производства находилась в прямой зависимости от характера деятельности представителей этих классов. Специалисты вплоть до середины 1940-х гг. не могли прочно вписаться в хозяйственный механизм совхозов. Только в послевоенный период, в связи с необходимостью скорейшего восстановления хозяйств при условии скудного финансирования интеллектуальный ресурс стал весьма востребованным типом капитала. Протобуржуазия, реализуя статус «патрона», устанавливала модели элитного поведения. Для остальных классов включенность в патерналистские связи означала постоянный гарантированный доступ к экономическим и социальным благам в обмен на жесткую регламентацию поведения и характера взаимодействия. Производственные отношения, будучи основой межклассового общения в совхозном социуме, проявлялись в экономических интересах классов и были побудительными мотивами трудовой и бытовой деятельности членов совхозного социума. Сельское общество, населявшее совхозную территорию, стремительно трансформировалось от аграрного традиционного к обществу современного типа. Патернализм как тип социально-трудовых отношений был весьма распространенным явлением на селе в этот период и являлся частным случаем проявления советского государственного патернализма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Платонов А. Ювенильное море. М. : Современник, 1988.
2. Отдел документов социально-политической истории государственного архива Архангельской области (далее – ОДСПИ ГААО). Ф. 296.
3. Вологодский государственный архив новейшей политической истории (далее – ВОАНПИ). Ф. 2522.
4. Большевицкая мысль (Архангельск). 1936. № 3.
5. Правда Севера (Архангельск). 1932. 24 июля.
6. ОДСПИ ГААО. Ф. 1828.
7. Государственный архив Архангельской области (далее – ГААО). Ф. 2059.
8. ВОАНПИ. Ф. 3234.
9. Большевицкая мысль (Архангельск). 1935. № 23.
10. ВОАНПИ. Ф. 1921.
11. Воробьев В.Г. Последняя инстанция. Очерк // Зимние Ночлеги. М. : Современник, 1987.
12. ГААО. Ф. 3474.
13. ОДСПИ ГААО. Ф. 290.
14. ГААО. Ф. 1892. Оп. 2. Д. 19.

15. Государственный архив Вологодской области. Ф. 1823.
16. ВОАНПИ. Ф. 7852.

Trofimova Anastasia I. Vologda State Pedagogical University (Vologda, Russian Federation). E-mail: makhova.a@rambler.ru
INTERCLASS RELATIONS IN SOCIETY IN THE STATE FARM 1930–1950 YEARS (ON MATERIALS OF THE EUROPEAN NORTH OF THE RSFSR).

Keywords: state farm; state-farm society; interclass relations; paternalism.

Process of transformation of state-farm society was defined both formation of new rural classes, and folding of the new social relations. The interclass relations arose on the basis of relations of production which inevitably became social, and therefore lay in the basis of all parties of activity of the Soviet farms. The state didn't hurry to define accurately "rule of the game" in the project under the name "state-farm experiment", and therefore life of state-farm society reminded, especially in the 1930th a raging copper. The state-farm society during this period represented difficult developing system and reminded society of a transition period where the real status of the person differed uncertainty and variability. Formation of society of the state capitalism happened on the basis of becoming obsolete traditional agrarian society, and therefore forming of relations of production was interfaced to fight for elimination of a communal and country archetype in system of values and standards of behavior of bulk of state-farm society. In the 1940th folding of classes in state farms generally came to the end, the relations which are based on the principle "who whom" gradually consigned to the past. Into the forefront the relations of production defining a position of a class in state-farm society gradually start moving forward. The protobourgeoisie, реализуя the status of "cartridge", established models of elite behavior. For other classes the inclusiveness in paternalistic communications meant the continuous guaranteed access to the economic and social benefits in exchange for a rigid regulation of behavior and nature of interaction. The protobourgeoisie, top of managers and, joined them in the 1950th chief specialists, were the main managers of state-farm resources and masters of destinies of the proletariat. Efficiency and profitability of production was in direct dependence on nature of activity of representatives of these classes. Intellectuals up to the middle of the 1940th. couldn't fit into an economic mechanism of state farms strongly. Only during the post-war period, due to the need of the fastest restoration of farms on condition of poor financing, the intellectual resource became very demanded type of the capital. One of the most isolated groups of rural society were representatives of the working aristocracy. It was young, high-politized, rather educated class openly showing the position. For the period of the 1930–1940th the povinnostny type of behavior of workers in relation to classes of the protobourgeoisie, managers and intellectuals is characteristic. Workers hesitated to declare independently infringement of the rights, to demand the best working conditions and a life. While the patience didn't come to an end, courageously bore rudeness and roughness. The protest of workers during this period was shown in passive forms – dismissal at personal desire from the outcome to the cities or other state farms, truancies, non-performance of duties. Relations of production, being a basis of interclass communication in state-farm society, were shown in economic interests of classes and were incentive motives of labor and household activity of members of state-farm society. The rural society occupying the state-farm territory was promptly transformed from agrarian traditional type to modern society. The paternalism as type of the social and labor relations was predominated in the village during this period and was a special case of manifestation of the Soviet state paternalism.

REFERENCES

1. Platonov, A. (1988) *Yuvenil'noe more* [Juvenile Sea]. Moscow: Sovremennik.
2. Department of documents of the social and political history. The State Archive of Arkhangelsk region (ODSPI GAAO). Fund 296. (In Russian).
3. Vologda State Archive of Contemporary Political History (VOANPI). Fund 2522. (In Russian).
4. *Bol'shevistskaya mysl'*. (1936) Arkhangel'sk. 3.
5. *Pravda Severa*. (1932) Arkhangel'sk. 24th July.
6. Department of documents of the social and political history. The State Archive of Arkhangelsk region (ODSPI GAAO). Fund 1828. (In Russian).
7. The State Archive of Arkhangelsk region (GAAO). Fund 2059. (In Russian).
8. Vologda State Archive of Contemporary Political History (VOANPI). Fund 3234. (In Russian).
9. *Bol'shevistskaya mysl'*. (1935). Arkhangel'sk. 23.
10. Vologda State Archive of Contemporary Political History (VOANPI). Fund 1921. (In Russian).
11. Vorob'ev, V.G. (1987) *Zimnie Nochlegi* [Winter Accommodations]. Moscow: Sovremennik. pp. 201-229.
12. The State Archive of Arkhangelsk region (GAAO). Fund 3474. (In Russian).
13. Department of documents of the social and political history. The State Archive of Arkhangelsk region (ODSPI GAAO). Fund 290. (In Russian).
14. The State Archive of Arkhangelsk region (GAAO). Fund 1892. List 2. File 19. (In Russian).
15. State Archive of Vologda region. Fund 1823. (In Russian).
16. Vologda State Archive of Contemporary Political History (VOANPI). Fund 7852. (In Russian).